

УДК 372.881.161.1

Цицкун Виолетта Владимировна

Старший преподаватель кафедры
«Русский язык и русская литература»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vivlteacher69@gmail.com

Щёкина Диана Александровна

Студентка, кафедра «Педагогическое образование»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: shchekina.dianka@mail.ru

**МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НАРУШЕНИЕ
РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА**

Статья посвящена проблеме использования в речи педагога молодёжного сленга. Авторы рассуждают, насколько оправданно включение преподавателем/учителем сленгизмов в профессиональную речь, не является ли употребление лексических единиц молодёжного социолекта нарушением речевой культуры педагога и как влияет их использование на формирование взаимоотношений преподаватель–обучающийся. В статье также дано определение статуса молодёжного сленга в системе общенационального языка.

Ключевые слова: молодёжный сленг, субъязык, социолект, сленгизмы, педагогическая деятельность, культура речи педагога.

Violetta V. Tsytskun

Lecturer of the Department
“Russian language and Russian literature”,
Institute of Humanities and Pedagogics,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

Diana A. Shchekina

Student at the Department “Pedagogical education”,
Institute of Humanities and Pedagogics,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

USING OF YOUTH SLANG IN THE TEACHER'S SPEECH: IS IT A PROFESSIONAL NECESSITY OR VIOLATION OF THE TEACHER'S SPEECH CULTURE

The article is devoted to the problem of using youth slang in the speech of a teacher. The authors reason how justified is the inclusion of slangisms by a teacher in his speech, whether this is a violation of the teacher's speech culture and how it affects the formation of teacher-student relationships.

Key words: *youth slang, slangisms, pedagogical activity, the culture of the teacher's speech.*

Для цитирования:

Цицкун, В. В., Щёкина, Д. А. Молодёжный сленг в речи преподавателя: профессиональная необходимость или нарушение речевой культуры педагога // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 172—183.

Язык социально неоднороден, что особенно ярко отражается в его лексической системе, где наряду с общеупотребительной лексикой активно функционируют слова и выражения, ограниченные той или иной территориальной закреплённостью либо социально-профессиональной принадлежностью. В этих диа- и социолектах, по мнению О. Е. Морозовой, может быть, даже более, чем в литературном языке, обслуживающем элитарную, книжную культуру, объективируется концептосфера национальной культуры [5, с. 478]. Особое место среди них занимает жаргон — слова и выражения, которыми отдельные социальные группы людей по условиям своего общественного положения, специфике окружающей обстановки обозначают предметы или явления, уже имевшие в общелитературном языке названия [4]. В терминологическом словаре О. С. Ахмановой жаргон определён как «язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптолалических целях» [1, с. 143]. Наряду с термином «жаргон» используют термины «арго» и «сленг», связывая их отношениями синонимии. Однако, на наш взгляд, данные понятия в лингвистическом аспекте всё-таки имеют свою статусную специфику и, по верному замечанию Е. А. Рубцовой, отражают разные элементы национальной языковой структуры [9, с. 5]. Термин «сленг», например, более подходит для отражения сущности речевого поведения

современной молодёжи, поэтому часто употребляется в сочетании «молодёжный сленг», под которым понимается социальный диалект молодых людей в возрасте от 12 (13–14) до 23 (25) лет, возникший как негативная реакция на социальную ситуацию из стремления противопоставить себя официальной системе. В статье за основу взята дефиниция Е. А. Рубцовой, которая определяет молодёжный сленг как «устойчивый набор определённых лексических единиц и правил их конструирования и употребления в неформальном общении представителей статусно-возрастной субкультуры» [9, с. 6].

Следует отметить, что молодёжный сленг в русском языке — явление не новое: первая появившаяся в России информация о нём, своего рода письменная фиксация этого социолекта, связана с именем писателя Н. Г. Помяловского, который в «Очерках бурсы», описывая быт и нравы Петербургской духовной семинарии середины XIX в., использовал разные специфические слова и обороты, бывшие в ходу у «бурсаков». Э. М. Береговская, связывая развитие молодёжного жаргона — субъязыка¹ с историческим фоном, на котором развивается русский язык, подчёркивает его постоянное наличие в языковой системе, живучесть и в то же время его изменчивость: «поток этой лексики никогда не иссякает полностью, он только временами мелеет, а в другие периоды становится полноводным» [2, с. 32]. Сегодня языковая система переживает настоящий «молодёжносленговый бум»: малопонятный взрослым язык молодёжи активно развивается, постоянно обогащаясь новыми словами и различного рода выражениями. И если «Словарь русского школьного жаргона XIX века» О. А. Анищенко (2007) включает только 1 000 творимых не одним поколением учеников и студентов лексем, выразительных оборотов и образных выражений, отражающих целую историческую эпоху, то в тематические словари современного молодёжного сленга Т. Г. Никитиной «Толковый словарь молодёжного сленга: Слова, непонятные взрослым» (2003) и «Ключевые концепты молодёжной культуры» (2013) входит уже 2 тыс. и более 10 тыс. соответственно. Несмотря на то что особый язык молодёжи разных эпох существенно отличается лексико-семантическим составом, он всё-таки имеет ряд общих признаков: формируется под влиянием возрастных психологических особенностей молодого поколения, порождён склонностью молодёжи к противоречию, её стремлением к самоутверждению; сленгизмы являются элементами речи и, как правило, эмоционально- и/или экспрессивно окрашены, они не

¹ Согласно теории Ю. С. Скребнева, субъязыки — это подсистемы национального языка, стилистически различающиеся между собой; количество их не ограничено, критерием выделения служит специфическая сфера коммуникации [13, с. 36–37].

совпадают с нормой литературного языка. «Как все социальные диалекты, — отмечает Э. М. Береговская, — он <молодёжный сленг> представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живёт на его фонетической и грамматической почве» [2, с. 32]. Пополнение словаря молодёжного социолекта осуществляется теми же способами (лексико-семантическим (внутренне- и внешнеязыковые заимствования) и морфологическим), что и пополнение словарного состава литературного языка, и из тех же источников. «Разница только в пропорциях и сочетаниях», — уточняет Э. М. Береговская [Там же, с. 33]. Основным источником для внутриязыкового заимствования исследователи называют литературный язык, единицы которого, претерпев метафорическое или метонимическое переосмысление, становятся единицами молодёжного сленга, а также другие жаргоны различного рода (уголовно-криминальный, армейский, сетевой, профессиональный и т. п.). Следует отметить, что в начале XXI века наблюдается ослабление влияния воровского аргота на молодёжный социолект, арготизмов становится меньше, зато увеличивается в несколько раз приток иноязычных заимствований, причём почти исключительно англоязычных [2; 7; 9; 10].

Отношение к русскому молодёжному сленгу как к языковому явлению среди отечественных исследователей неоднозначно. Ряд лингвистов (И. О. Федорова, Л. П. Крысин, Л. В. Савельева и др.) видят в нём реальную угрозу общей культуре языка, акцентируя в первую очередь внимание на засилье в речи молодых людей иностранных заимствований, просторечий, арготизмов, указывая на намеренное отклонение от языкового стандарта. «Мощный напор денационализированной псевдокультуры планомерно и скрупулезно разрушает нашу языковую экологию, обесценивает русское слово, его духовную суть, его генную память о прошлом», — категорично заявляет Л. В. Савельева [11, с. 41]. Другие (В. И. Шляхов, Э. М. Береговская, Т. Г. Никитина и др.), наоборот, считают молодёжный сленг одним из средств обогащения русской речи, «интереснейшим лингвистическим феноменом» [2, с. 32], отличающимся богатством словообразовательных лексем, образностью семантической структуры слов, их эмоциональностью и эмотивностью, отмечают его «мощный социокультурологический потенциал», подчёркивают актуальность изучения [6, с. 6]. «Лингвист не может и не должен бороться с языком, — утверждает Э. М. Береговская, — задача лингвиста — исследовать его многообразие, в том числе и ненормативные проявления» [2, с. 33]. Исследователь уверена: «Пока молодёжный сленг используется молодыми, когда они общаются между собой в непринуждённой, неофициальной обстановке, никакого „загрязнения“ не

происходит» [Там же, с. 41]. Не вызывает опасения у лингвистов и вхождение сленгизмов в язык художественной литературы в качестве «элементов речевой маски персонажа», если это «делается с тактом и эстетически мотивированно» [Там же, с. 41].

Однако кардинальные изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни России в конце XX века, повлёкшие за собой демократизацию системы языка, нестабильность современной лингвокультурной ситуации создали благоприятные условия для расширения сферы функционирования молодёжного сленга, способствовали его активному распространению, проникновению в литературный язык. Если ранее молодёжный социолект существовал исключительно как язык неформального общения молодёжи и находил реализацию только в устной речи, то сегодня лексические единицы молодёжного сленга, теряя социальную прикреплённость, приобретают популярность, широко используясь в СМИ. Причём не всегда удачно — это и настораживает. Достаточно вспомнить рекламу «Мегафона» (сентябрь 2019): «Шерь. Стримь. Сторь» (от сленговых *шерить* (англ. to share — делиться), *стримить* (to stream — передавать), *сторить* (to store — сохранять)). Но успокаивает тот факт, что уродливое словотворчество вызвало возмущение не только у представителей старшего поколения, но и у молодёжи (см. комментарии в Сети <https://zen.yandex.ru>).

Активно проникают элементы молодёжного сленга и в профессиональную речь педагогов. Вопрос, который волнует авторов статьи, уместно ли это проникновение, нужно ли преподавателю для осуществления успешной коммуникации с учащимися осваивать молодёжный сленг, использовать его в своей речи?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, рассмотрим, из чего вообще складывается культура речевой деятельности преподавателя/учителя, с одной стороны, включающая в своё содержание ретрансляцию (передачу) знаний, умений, навыков (ЗУН), с другой — направленная на формирование высоконравственной, всесторонне (интеллектуально, культурно, духовно) развитой личности, готовой к жизни в новых социально-экономических, общественно-политических условиях.

Общеизвестно, что в профессиональной культуре речи выделяются три основных компонента: нормативный (регламентирующий правильность речи, соблюдение норм литературного языка, соответствие языковому стандарту); коммуникативный (определяющий отбор и сознательное отношение к употреблению языковых средств в зависимости от речевой ситуации и коммуникативных задач) и, наконец, эстетический (отвечающий за

применение правил языкового поведения в конкретных ситуациях, соблюдение речевого этикета).

По мнению преподавателей Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск) А. Л. Синаторова, О. Н. Андреевой и др., культура речи педагога отражает уровень его образованности, воспитанности, интеллигентности и является показателем его культуры в целом [12, с. 110]. Воспитанники перенимают не только знания и опыт своего преподавателя, но и «его отношение к миру, способы действия, вплоть до конкретных речевых оборотов и «любимых» словечек» [Там же], поэтому владение нормативным аспектом речевой культуры для педагога так же важно, как и умение коммуникативно целесообразно подбирать слова и выражения, корректно выстраивать свою мысль. «Произносительные, грамматические и стилистические погрешности в языке учителей школ и вузовских преподавателей воспринимаются как норма и автоматически переносятся в речевые навыки обучаемых», — предостерегают А. Л. Синаторов и соавторы и рекомендуют не пренебрегать нормами языка, так как несоблюдение их может стать причиной коммуникативной неудачи, свидетельством недостаточного уровня культуры [Там же, с. 111]. На том, что «образцовая речь немыслима без соблюдения грамматических, произносительных норм языка и точности словоупотребления», так как «преподаватель передает слушателям не только научные знания, но и высокую культуру речи», акцентируют внимание и А. А. Бондарев, М. А. Боева, преподаватели Орловского юридического института МВД РФ [3, с. 389]. Однако, говоря о правильности, логичности и точности как об основных качествах педагогической речи, А. Л. Синаторов и соавторы одним из обязательных условий успешного педагогического общения считают ещё и осознанное стремление преподавателя разнообразить речь, используя различные языковые и речевые выразительные средства [12, с. 112]. Стилистическую выразительность (наряду с научностью содержания, лексической точностью и грамматической правильностью) отмечают как важнейшее условие речевого оформления лекции, беседы, доклада и А. А. Бондарев, М. А. Боева [3, с. 389]. Высокая речевая культура преподавателя/учителя/воспитателя, таким образом, — это умение посредством языка излагать свои мысли, с одной стороны, правильно, точно, логично, с другой — убедительно, ярко и выразительно, не только делясь с учащимися необходимой предметной информацией, но и управляя их вниманием, развивая интерес, побуждая к продуктивной, творческой деятельности.

Не следует забывать, что профессиональная речь педагога относится к академическому красноречию — одному из родов публичного общения. Значит, согласно законам ораторского мастерства, она не может ограничиваться предъявлением исключительно рационального, научного, точного, не может оставаться безличной, потому что должна быть направлена на слушающего (ученика или студента) и ставить целью воздействие не только на его мысли, но и на его чувства и эмоции. Слово, отобранное для убеждения, должно формировать мысль, создавать образ, пробуждать чувства, задавать форму предложению и целому тексту, выступать представителем единственно возможного для конкретного общения стиля, — иными словами, речь педагога должна быть эмоционально воздействующей.

Рассмотрим возможность использования сленгизмов, о богатом лексико-семантическом и стилистическом потенциале которых говорит Е. А. Рубцова [9, с. 12], в качестве средства выразительности, позволяющего преподавателю эмоционально воздействовать на своих воспитанников в процессе речи. Исследователь уверена, что способность лексических единиц молодёжного сленга реализовывать коммуникативную, в том числе фатическую, мировоззренческую, экспрессивную, эстетическую и регулятивную функции, соотносимые с функциями устного общения, позволяет говорящему ярко выразить субъективную оценку, а также влиять на других участников коммуникации, возбуждать у них определённые мысли, оценки, стремления к каким-либо действиям [Там же, с. 12].

Проанализируем несколько коммуникативных ситуаций, в которых педагог употребляет в своей речи сленгизмы.

Коммуникативная ситуация № 1. Говоря о важности чтения художественных произведений авторов разных эпох, педагог заканчивает своё выступление словами: «Если вы будете много читать, то, когда в жизни столкнётесь с проблемами, справитесь с ними *на изи*» ('легко, элементарно'). Включение в выражение сленгизма «на изи» не только придаёт фразе экспрессивную окраску, делает её выразительной, образной, но и выполняет контактоустанавливающую функцию, служит своего рода пропуском, паролем в особое коммуникативное пространство, коммуниканты которого — молодые люди, наделённые особым мировосприятием, склонностью к эмоциональному отношению к предмету речи: не «легко» справитесь с проблемами, как обычно говорят взрослые, чьи слова молодёжь редко воспринимает всерьёз, а «на изи» — как принято между своими.

Коммуникативная ситуация № 2. Вот ещё одна фраза преподавателя, произнесённая на лекции: «В педагогической деятельности нельзя быть бумерами, нужно идти в ногу со временем, постоянно совершенствоваться в

чём-то, а значит, быть зумерами». Построенное на противопоставлении сленгизмов «бумер» («бездеятельный, инертный») и «зумер» («активный, идущий в ногу со временем, стремящийся к совершенству») выражение напоминает афоризм — прост, краток и выразителен. Функции, реализуемые сленговыми словами, — экспрессивная и регулятивная, направленная на пробуждение мыслей, стимулирование стремлений.

Данные примеры наглядно демонстрируют высокий уровень речевой культуры педагога, присущее ему чувство разумной меры: употреблённые в профессиональной речи сленгизмы не нарушают литературной нормы, не являются речевой ошибкой, а воспринимаются как средство эмоционального воздействия, средство выработки стойкого убеждения, поэтому их использование коммуникативно оправданно.

Проведённый среди профессорско-преподавательского состава Севастопольского государственного университета эксперимент, участниками которого стали 30 преподавателей разного возраста и в процессе которого респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как часто вы используете / используете ли вообще в своей профессиональной речи молодёжный сленг?», показал следующие результаты (см. рис. 1).

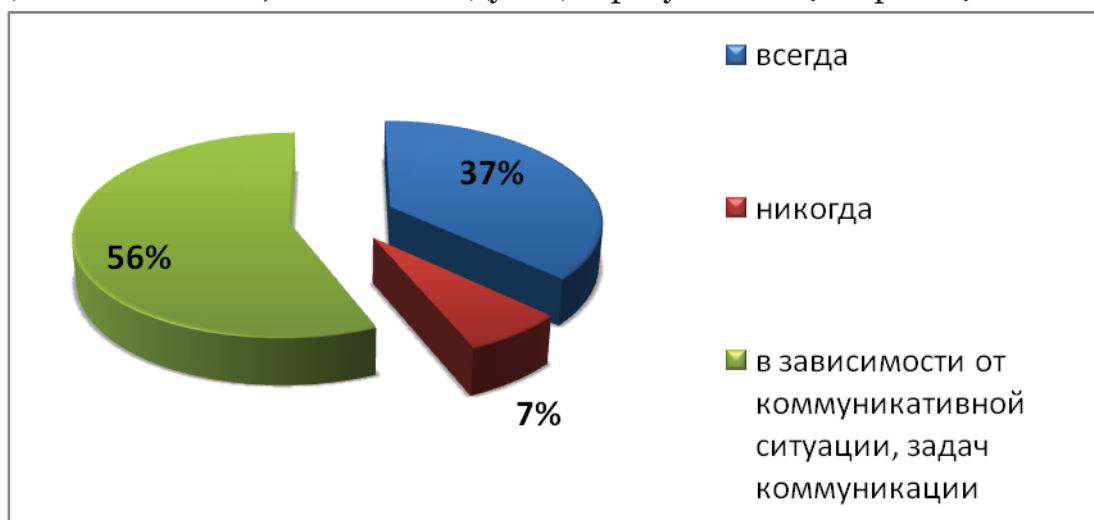

Рисунок 1. Результаты опроса преподавателей на факт использования в речи молодёжного сленга.

Согласно представленным в диаграмме данным, видно, что в основном преподавателям свойственно употребление в профессиональной речи сленгизмов (28 человек из 30 ответили утвердительно (93%)) и большинство (17 человек (56%)) делает это осознанно, с учётом особенностей коммуникативной ситуации и собственно задач коммуникации.

Интересно, что активно используют сленгизмы преподаватели в возрасте 41–55 лет (35%), по словам отдельных респондентов, чаще — из стремления сократить дистанцию в понимании, реже — для эмоционального

воздействия; преподаватели в возрасте после 60 лет лексические единицы молодёжного сленга в речи не употребляют.

Отношение студентов к факту употребления преподавателями в профессиональной речи сленгизмов в основном положительное: 22 респондента (65%) не возражают против этого. 10 студентов (29%) никогда не придавали данному факту значения, даже не замечали, что есть педагоги, включающие в речь лексемы из молодёжного сленга. И только двум обучающимся (14%) не нравится, когда преподаватель использует сленгизмы в своей профессиональной речи, студенты считают это заигрыванием (см. рис. 2).

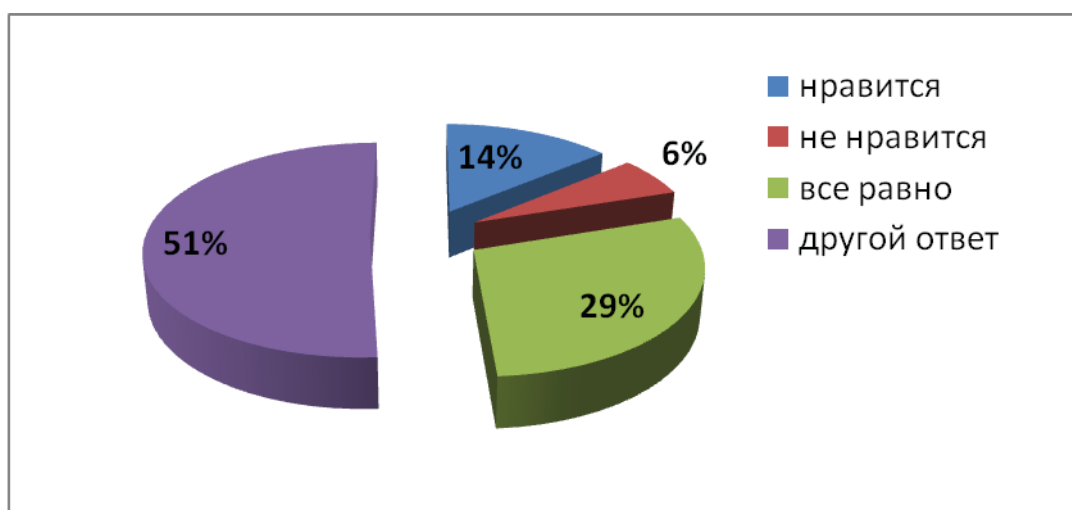

Рисунок 2. Результаты опроса обучающихся на факт использования преподавателями в речи молодёжного сленга

Отвечая на вопрос «Как вы относитесь к употреблению преподавателем сленгизмов в профессиональной речи?», 18 человек (51%) выбрали категорию «другой ответ», уточнив, что считают использование преподавателями молодёжного сленга нормальным, даже приветствуют, если употребление это коммуникативно целесообразно и не оскорбляет присутствующих. «Соблюдение такта» — важное сделанное студентами дополнение, ограничивающее употребление лексических единиц молодёжного сленга в речи педагогов.

Рассмотрим несколько коммуникативных ситуаций, в которых преподаватели терпят коммуникативную неудачу, в связи с некорректным использованием в своей речи сленгизмов.

Коммуникативная ситуация № 1. Преподаватель, оценивая внешний вид группы, делает замечание: «У вас у всех сегодня какой-то *кринжовый* вид!» Сленговое слово «кринжовый» в данном контексте звучит бестактно. Если бы педагог знал, что употреблённое им слово означает 'противный,

мерзкий, отвратительный', и заранее уточнил бы, в каких речевых ситуациях его принято использовать, то, очевидно, не включил бы его в свою речь.

Коммуникативная ситуация № 2. В период дистанционного обучения преподаватель неоднократно повторяет: «Сейчас я *расшарю* экран и покажу вам презентацию». Уточним: «Расшарить» (от англ. share — делиться, угощать) значит 'открыть для коллективного просмотра пользователей информацию, хранящуюся в личных папках'. Заимствовано из Интернет-сленга. Использование в данной речевой ситуации коммуникативно нецелесообразно: популярные сервисы для онлайн-общения и ведения видеоконференций используют свою терминологию и предлагают не «расшарить», а открыть «демонстрацию экрана», что звучит корректнее, в соответствии с нормативным компонентом культуры профессиональной речи.

Коммуникативная ситуация № 3. В ходе семинарского занятия студентка, отвечая на вопрос, демонстрирует неуверенность, делает много неоправданных пауз, повторов. Замечание преподавателя: «Не *тормози!* Что ты как *замороженная!*»² Употребление сленгизмов в такой ситуации не просто неуместно, а грубо и неприлично, во-первых, потому, что использование в речи педагога вульгарных слов и выражений недопустимо, а во-вторых, так как лексическое значение сленгизма «замороженная» включает коннотативную сему, отражающую негативную оценку адресата — 'некрасивая, неприятная' (чаще о лице женского пола) [7, с. 144]. Данное употребление демонстрирует нарушение как норм литературного языка, так и этических норм, фиксирует отсутствие у преподавателя элементарного педагогического такта. Используя лексемы из языка молодёжи, преподаватель должен понимать, что семантика литературного и сленгового слов, имеющих одинаковую звуковую оболочку, может быть различной, поэтому необходимо перед включением сленгизма в свою речь обязательно изучить его смысл.

Важной составляющей педагогического процесса является выстраивание взаимоотношений педагога и обучающегося (ученика, студента). Чтобы взаимодействие было устойчивым и комфортным, преподаватель должен понимать, чем живут его воспитанники, каковы их ценности, приоритеты и стереотипные представления. Учитывая, что молодёжный сленг отражает менталитет молодёжи, её ценностные

² Следует заметить, что основанием для определения в данном контексте слова «замороженная» как сленгизма является наличие в этой фразе сленговой лексемы «тормози» (тормозить — 'плохо соображать, не понимать чего-либо, быть невнимательным, не сосредоточенным на чём-либо' [8, с. 581]), в сочетании с которой слово «замороженная» выступает именно как единица молодёжного социолекта, а не как литературное слово в переносом значении (разг. 'невыразительный, холодный, равнодушный' [14, Т. 1, с. 546]).

ориентации и предпочтения, является языковым отображением культуры его носителей, выполняет мировоззренческую функцию, показывает взаимоотношения молодых людей между собой, их отношение к различным сферам общественной жизни, педагог, бесспорно, должен быть знаком с лексическими единицами молодёжного сленга, хотя бы с наиболее известными.

А вот употреблять сленгизмы в речи следует осторожно и избирательно, помня, что «каждое слово, сказанное в стенах школы (в том числе и высшей — *дополнение наше В. Ц.*) должно быть продуманным, мудрым, целеустремлённым, полновесным» [15, с. 271]. Данное требование, предъявляемое В. А. Сухомлинским к культуре речи педагога, обязывает преподавателя, решившего использовать то или иное сленговое слово в устной профессиональной коммуникации, соблюдать ряд правил:

- не злоупотреблять лексическими единицами молодёжного сленга, использовать их исходя исключительно из задач коммуникации с одной единственной целью — эмоционально воздействовать на мысли и чувства воспитанников, развивать их интерес, стимулировать к действию;
- разобраться с семантикой сленгизма прежде его включения в речь, детально оценить речевую ситуацию, в которой обычно эта лексема встречается у носителей молодёжного сленга;
- не употреблять в речи арготизмы, лексические единицы жаргона наркоманов, вульгарные слова и выражения, сленгизмы, унижающие достоинство участников коммуникации, а также свидетельствующие о низком уровне речевой культуры преподавателя.

Чувство разумной меры — вот критерий, которым должен руководствоваться педагог, включая лексические единицы молодёжного сленга в свою профессиональную речь.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Береговская, Э. М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
3. Бондарев, А. А., Боева, М. А. О культуре речи преподавателя // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4 (77). С. 389–391

4. Валгина, Н. С., Розенталь, Д. Э., Фомина, М. И. Современный русский язык : учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2002. 528 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/title.htm>
5. Морозова, О. Е. Концептосфера молодежного сленга // Вестник Нижегородского университета. 2015. № 2 (2). С. 478—482.
6. Никитина, Т. Г. Современный молодёжный лексикон в лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах : монография. Псков : Псковский государственный университет, 2012. 328 с.
7. Никитина, Т. Г. Так говорит молодёжь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Фолио-пресс, 1998. 592 с.
8. Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодёжного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок 2000 сл. М.: ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. 736 с.
9. Рубцова, Е. А. Лингвокультурологический анализ молодёжного сленга начала XXI века (на материале печатных СМИ): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Рубцова Евгения Александровна. М., 2009. 20 с.
10. Рубцова, Е. А. Молодёжный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // Русистика. 2009. № 1. С. 19–24.
11. Савельева, Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск : КГПУ, 1997. 143 с.
12. Синаторов, А. Л. Культура речевой деятельности педагога // Теория и практика образования в современном мире : материалы X Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2018 г.). Чита : Молодой учёный, 2018. С. 110–112.
13. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики : учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький, 1975. 174 с.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Инс-т русс. яз.; под ред. А. В. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988.
15. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О. В. Сухомлинская. М. : Педагогика 1990. 288 с.

~